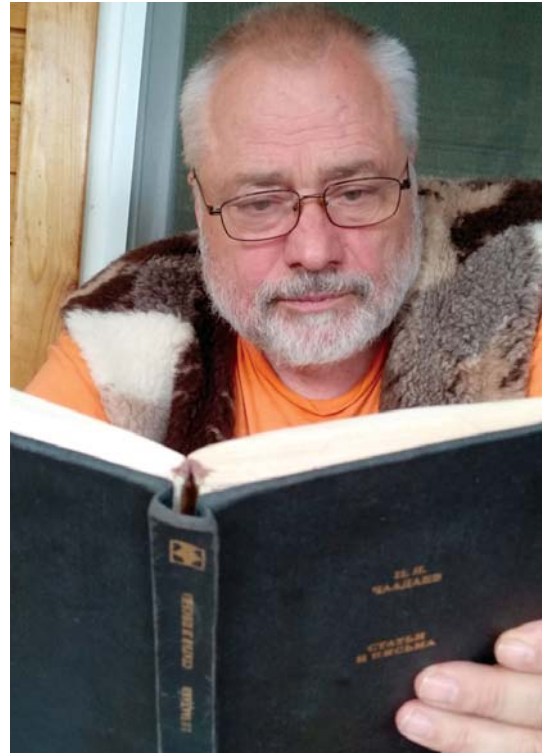

ЕВРОПА, ИЛИ ОТКРЫТИЕ ДОСТОЕВСКОГО

Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуально-го диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог».

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

E-mail: vlkantor@mail.ru

 Аннотация. Статья главного редактора журнала открывает цикл публикаций, посвященных двухсотлетию юбилею великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Автор обсуждает проблему влияния его творчества, не очень востребованного при жизни в России, на мировоззрение думающих людей нашей страны и Западной Европы, живших и творивших в XX веке. В 1911 году В. Розанов заметил, что если Л. Толстой был весь и всегда «в удаче», то Достоевский, напротив, был и до сих пор остается «в неудаче». После Первой мировой войны знаменитый австрийский писатель Гуго фон Гофмансталь писал о Достоевском как о духовном властителе своей эпохи. Автор рассматривает творчество русского писателя как пророческий текст, к которому обращались европейские мыслители. То, что переживала Европа в первой половине XX века — трагедию двух мировых войн и изменение территориального европейского пространства, — воспринималось немецкими интеллектуалами как тот самый хаос, о котором они читали в романах Достоевского о России. Творчество писателя послужило почвой для диалога России и Европы и способствовало расширению контактов русских и европейских философов.

Ключевые слова: Достоевский, Россия, Европа, Иисус Христос, Библия, Карамазовы, хаос, Данте, Мережковский, Розанов, Ф. Ницше, Р.-М. Рильке, Т. Манн, Г. Гессе, С. Цвейг

Ссылка для цитирования: Кантор В.К. Европа, или Открытие Достоевского // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4, № 1. С. 10–25.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-10-25

Творчество Ф.М. Достоевского европейские мыслители, прежде всего немецкие, рассматривали в контексте Священной истории. Сравнение русского писателя с самим Иисусом Христом было неременным мотивом их размышлений. Так, великий австрийский поэт Райнер Мария Рильке писал: «Незабываемые явления и великие примеры — Иисус Христос и Достоевский» (Рильке, 1994: 144). Исторически Россия воспринималась на Западе как духовная провинция Западной Европы, как Иудея в свое время слыла провинцией Римской империи. А «что хорошего может быть из Назарета?»

Райнер Мария Рильке
(1875–1926)

Творчество Достоевского в течение двух десятков лет после его смерти преодолело сомнение западноевропейцев в интеллектуальной значимости России. Причем не только в религиозной сфере, но и в поэтической. Нашего соотечественника ставили рядом с величайшим поэтом Европы — Данте. Как писал Герман Гессе, романы Достоевского, «однажды, когда все внешнее в них устареет, станут для нас такими же, каким сегодня является Данте, в сотнях деталей уже непонятный, но вечный в своем воздействии, потрясающий как воплощение целой эпохи мировой истории» (Гессе, 2010: 306).

Как известно, отношения Достоевского и Белинского (1811–1848) были непростыми. Они начались с восторга критика по поводу «Бедных людей», а закончились полным разрывом. Но в 1846 году он произнес пророчество (в связи с «Двойником»), которое исполнилось в полной мере: «Его [Достоевского. — В.К.] талант принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не вдруг.

Много, в продолжение его поприща, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогеи своей славы» (Белинский, 1982: 143).

Дальнейшее осуждение Белинским творчества писателя стало своего рода «черной меткой» в оценке его произведений, что позволило В. Розанову в 1911 году написать, сравнивая двух гениев, создавших своего рода вечный фундамент русской культуры: «Толстой был вообще весь и всегда “в удаче”, и его “Крейцера соната” еще в литографском тиснении была прочитана всюю Россией, и Россия о каждой странице “Крейцеровой сонаты” не только подумала, но и мучительно ее пережила. Достоевский, напротив, был и до сих пор остается “в неудаче”» (Розанов, 1995: 489).

Его называли «жестоким талантом» (Н. Михайловский), а последний великий роман «мистико-аскетическим» (М. Антонович). Но в начале XX века ситуация меняется, прежде всего после книги Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902), которая не только

открыла этих писателей европейскому миру, но и принесла европейское признание ее автору. Создатель в Германии «Восточной идеологии» и идеи «Третьего рейха» Мёллер ван ден Брук в 1904 году публикует статью «Толстой, Достоевский и Мережковский» (Васильченко, 2009: 87). Достоевский становится кумиром Мёллера.

Стоит подчеркнуть, что первое полное немецкое собрание сочинений Достоевского, предпринятое издательством «Пипер», готовилось с 1906 по 1919 год при непосредственном участии Д. Мережковского и Д. Философова (Тиме, 2011: 220).

Впрочем, русская литература еще с XIX века была предметом внимания не-

Герман Гессе
(1877–1962)

К.А. Горбунов. Портрет В.Г. Белинского, 1876.
Всероссийский музей А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург

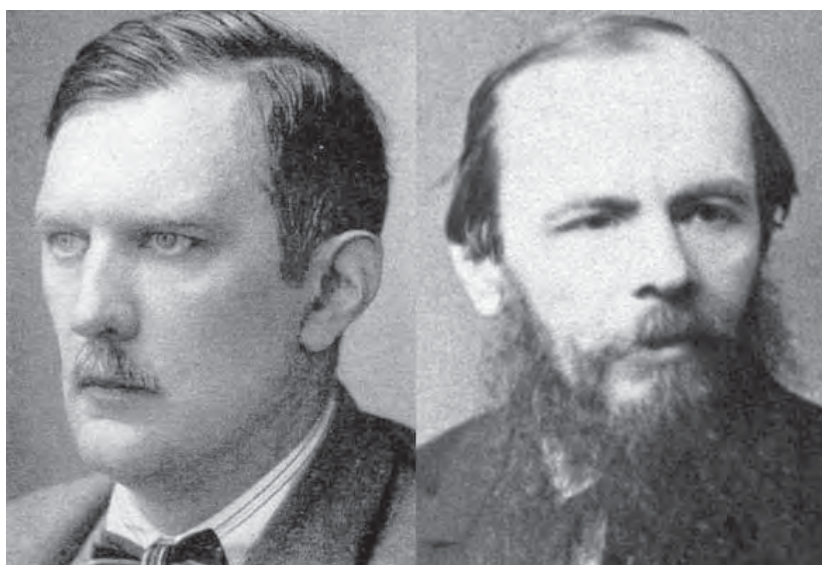
Д.С. Мережковский
(1865–1941)

мецких интеллектуалов. Скажем, друг И.С. Тургенева немецкий романтик Карл Август Фарнхаген фон Энзе (1758–1858) написал в 1838 году статью о Пушкине «*Werke von Alexander Puschkin*». Немецкий оригинал был напечатан в берлинском «Ежегоднике научной критики». Переводчик статьи Фарнхагена Михаил Катков в предисловии к русской публикации писал: «Статья, которую вы будете читать теперь, напечатана в берлинском журнале «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*», в журнале, основанном Гегелем, тем величайшим философом, который объял и повершил стремления разума. <...> В лице Гегеля подает нам руку Германия, в лице Германии вся Европа, целое человечество» (Катков, 2009: 537). Германия — средоточие интел-

лектуальной мощи Европы — была важна для русских писателей как подтверждение их значимости, выхода из подросткового возраста.

С Достоевским таких вопросов не возникало. Он явно был первым в Европе. Его романы стали открытием для европейцев. Австриец Стефан Цвейг писал:

Первая граница, которую перешагнул Достоевский, первая даль, им открытая, была Россия. Он открыл миру свой народ, расширил наше европейское сознание, первый дал возможность увидеть русскую душу как фрагмент — и драгоценный

Мёллер ван ден Брук (1876–1925)
и его кумир Достоевский

В.В. Розанов
(1856–1919)

фрагмент — мировой души. До него Россия представляла собой предел для Европы: переход к Азии, белое пятно на карте. <...> И как раз в недавней войне мы почувствовали, что всё, что мы знаем о России, мы знаем через него, и он дал нам возможность ощутить в этой враждебной стране братскую душу.

(С. Цвейг, 2010: 158)

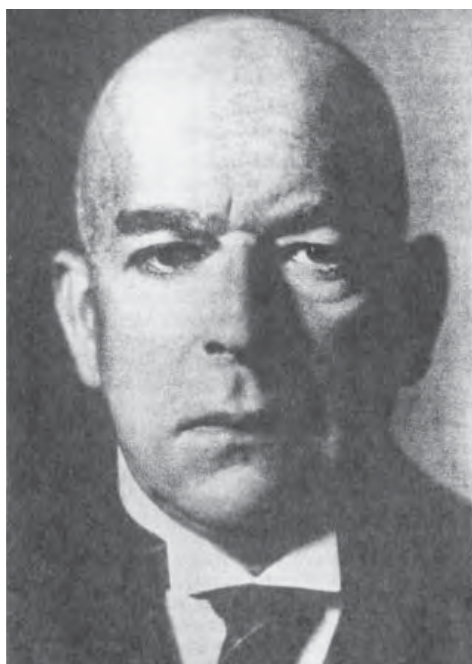
И все же переосмысления германской позиции по отношению к России не произошло. В 1920-е годы Россия была почти союзником. Германия и Советская Россия стали торговыми партнерами. Достоевский воспринимался германоязычными интеллектуалами как лучший писатель эпохи.

Как писал знаменитый драматург Гуго фон Гофмансталь, «Если у нашей эпохи и есть духовный властитель, то это Достоевский» (Hofmannsthal, 1955: 77). Однако победа нацистов на выборах 1933 года резко изменила направление духовного вектора Германии. И хотя сам Шпенглер писал о Достоевском: «В “Братьях Карамазовых” он достигает такой религиозной глубины, с которой можно было бы сопоставить только проникновенность Данте» (Шпенглер, 2002: 150), эти слова не были должным образом восприняты, поскольку их автор выпал из обоймы имен, признаваемых фюрером.

Однако Данте возник в тексте великого культурфилософа неслучайно. Как показала российская исследовательница Александра Тоичкина: «Во время работы над “Записками из Мертвого дома” Ф.М. Достоевский, судя по всему, перечитывал “Ад” Данте в переводе на русский язык Ф. Фан-Дима (псевдоним Е.В. Кологривовой). <...> Подтверждение этому факту можно найти в публицистике Достоевского этого времени» (Тоичкина, 2013: 83). Религиозная глубина Данте и Достоевского, естественно, предполагала рассмотрение текстов русского писателя в евангельском осмыслении. И первым это сделал Ницше.

Стефан Цвейг
(1881–1942)

Освальд Шпенглер
(1880–1936)

Несмотря на публицистические ламентации Достоевского о народе-богоносце, именно *городские* бедняки-разночинцы становятся в его романах ищущими Христа героями, проходя через ад и мрак бедности, разврата, преступления. Ницше весьма точно описал мир романов Достоевского и его христианские аллюзии:

Тот странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, — мир как бы из одного русского романа, где сходятся отбросы общества, нервное страдание и «ребячество» идиота, — этот мир должен был при всех обстоятельствах сделать тип более грубым: в особенности первые ученики, чтобы хоть что-нибудь понять, переводили это бытие, расплывающееся в символическом и непонятном, на язык собственной грубости, <...>. Можно было бы пожалеть, что вблизи этого интереснейшего из *décadents* не жил какой-нибудь Достоевский, т.е. кто-либо, кто сумел бы почувствовать захватывающее очарование подобного смещения возвышенного, больного и детского.

(Ницше, 1990: 656–657)

Однако Ницше предлагал для спасения мира некоего сверхчеловека. Камю констатировал:

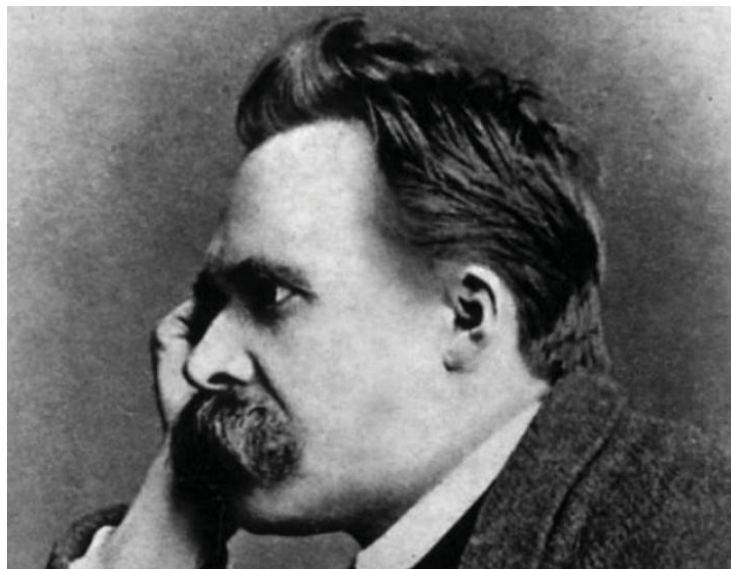
До Ницше и национал-социализма не было примера, чтобы мысль, целиком освещенная благородством, терзания единственной в своем роде души, была представлена миру парадом лжи и чудовищными грудями трупов в концлагерях. Проповедь сверхчеловечества, приведшая к методическому производству недочеловеков, — вот факт, который, без сомнения, должен быть разоблачен, но который требует также истолкования.

(Камю, 1990: 176)¹

Достоевский не искал неведомого сверхчеловека, видя, что в истории такой уже состоялся (Христос), он опирался на этот конкретный идеал, который не может, разумеется, пересоздать реальную историческую жизнь, не укореняется как норма жизни в массе человечества, но указывает вектор движения, некую возможность, которая каждый раз может вытащить человечество из очередного исторического провала.

¹ Ницше был запрещен в Советской России, но лишь потому, полагал русский философ Степун, чтобы не выдать тайну происхождения большевизма, ибо философствовать молотом они все же учились у Ницше. Об этом же писал и Камю: «Марксизм-ленинизм реально взял на вооружение ницшеанскую волю к власти, предав забвению некоторые ницшеанские добродетели» (Камю, 1990: 179).

Тема религиозности Достоевского в Германии обсуждалась долго. В 1932 году знаменитый немецкий философ и католический теолог Романо Гвардини писал: «В конечном итоге действия героев Достоевского определяются религиозными силами и мотивами, под влиянием которых и принимаются те или иные решения. Более того: весь мир Достоевского как “мир”, т.е. совокупность определенных фактов и ценностей, вся атмосфера этого мира проистекают в сущности из религиозного начала» (Гвардини, 2007: 129).

Фридрих Ницше
(1844–1900)

Из приведенных цитат становится ясно, что проблемы Достоевского — общечеловеческие. Уж во всяком случае — общеевропейские («мы принадлежим к арийскому племени», писал он). Кризис и крах христианства, боязнь свободы, потеря Бога, похоть власти, тяга масс к повинению, сложность, амбивалентность бытия личности в истории... Приписывать злодеяния героев Достоевского их *русскости* после Освенцима и Дахау вряд ли сегодня возможно. Не подозревая о «новом порядке», который будет рожден Европой, Цвейг писал, что «роман Достоевского — миф о новом человеке и его рождении из лона русской души» (Цвейг, 2010: 115), ибо все русские люди — Карамазовы, с крепкими мускулами и грубым голодом жизни. Только позднее стало понятно, чего Достоевский боялся и о чем предупреждал, говоря об опасности рождения некоего «нового мира» из лона русской души, призывая вернуться к Христу. Он первый выявил то общеевропейское зло, которое оказалось совсем не преодолено за века христианского развития. Достоевский хотел лечить его христианством, считая, что влияние последнего не пронизало пока толщу общества, и именно это стало одной из причин рецидива массового сатанизма в Западной Европе и явления Антихриста в России².

² «Сатанизм, диаволизм был всегда специальностью мира католического, романского; антихрист же есть специальность мира православного, славянского с его безбрежностью и безгранностью. Дьяволом не соблазнить русскую душу, антихристом же легко можно ее соблазнить» (Бердяев, 1999: 50).

Достоевский, однако, никогда не спекулировал русской душой, не делал предметом своего изображения этнографическую экзотику. Его герои, как правило, — европейски образованные русские люди. И если поначалу казалось, что слава писателя объясняется необычностью его героев, которые рождены таинственной русской почвой, то позже стало понятно совсем иное. Не случайно Альбер Камю для анализа западноевропейского экстремизма привлекал созданные Достоевским образы русских бунтовщиков. Желание найти в России некую тайну принадлежит тем западноевропейцам, которым собственная история представляется скучной, и которые желают вырваться из своего кажущегося размеренным и однообразным быта. Поэтому они пребывают в романтически-байронических поисках сильных и необычных страстей.

Из текстов Достоевского понятно, что, несмотря на принятую мифологему о народе-богоносце, он не только рассказывал об ужасах народной жизни, но и сравнивал их с европейскими идеалами. Ориентация у него была на высокую западноевропейскую классику. В 1861 году он написал статью, где формулировал свое кредо о великой пользе искусства, утверждая, что потребности красоты у человечества уже определились, определились и его вековые идеалы.

При отыскании красоты человек жил и мучился. Если мы поймем его прошедший идеал и то, чего этот идеал ему стоил, то, во-первых, мы выкажем чрезвычайное уважение ко всему человечеству, облагородим себя сочувствием к нему, поймем, что это сочувствие и понимание прошедшего гарантирует нам же, в нас же присутствие гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развития.

(Достоевский, 1978: 96)

И далее Достоевский перечисляет авторов, героев и произведения, которые принесли невероятную пользу человечеству: маркиз Поза, Фауст, «Илиада», «Мадонна» Рафаэля, Данте, Шекспир (Там же: 99–100). Это было не случайное высказывание. Во время двухлетней жизни в Дрездене (городе, который Гердер называл «Флоренцией на Эльбе») писатель, как вспоминает Анна Григорьевна, часами просиживал перед «Мадонной» Рафаэля: «Мой муж <...> повел меня к Сикстинской мадонне — картине, которую он признавал за высочайшее проявление человеческого гения. Впоследствии я видела, что муж мой мог стоять перед этой поразительной красоты картиной часами» (Достоевская, 1987: 169). Потом копию картины уже в Петербурге подарила ему Софья Андреевна, вдова Алексея Константиновича Толстого. Она до самой смерти висела в кабинете писателя.

Надо сказать, сам Достоевский вполне понимал чуждость большей части простонародья *высшим идеалам европейской культуры*, которым, в сущности,

Кабинет Ф.М. Достоевского в его музее-квартире в Санкт-Петербурге

он сам поклонялся и на которых вырос. В «Дневнике писателя» за 1873 год есть чрезвычайно важная главка под названием «Среда»:

Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее. Связав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое было бы удовольствие ему бить? Знаете, господа, люди рождаются в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста? <...> И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку! Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входить во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальцы хмелят его как вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить», — кричит Беатриче нечеловеческим голосом, наконец затихает, перестает кричать и только дико как-то кряхтит, дыхание поминутно обрывается, а удары тут-то и чаще, тут-то и садче... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схва-

тывает палку, сучок, что попало, ломает их с трех последних ужасных ударов на ее спине, — баста! Отходит, садится за стол, въздыхает и принимается за квас.

(Достоевский, 1980: 21)

Как писала замечательная германистка Г.А. Тиме,

Катастрофа, *хаос*, спровоцированный «взрывом формы», которая растворяется в стихии, становится центром миропонимания немецких экспрессионистов. Достоевский для них — человек, каким он был в первый день творения, «наг и свободен», ибо способен «взорвать форму». Своего рода «святой книгой» стало для экспрессионистов «Евангелие от Достоевского» — сборник цитат из его произведений, переведенный на немецкий язык К. Нётцелем. обстоятельная и достаточно объективная биография Достоевского, изданная Нётцелем в 1925 году, уже базировалась на мифологизированной философской схеме: это была история человека, чуждого каких-либо условностей и предпосылок, который сам обладает «творящей» силой и олицетворяет безусловную спорность любых форм бытия. Именно в сознании экспрессионистов, особенно после 1918 года, окончательно закрепляется восприятие Достоевского как *мифа*. И в первую очередь, это был миф о хаосе — точнее, о *русском хаосе*.

(Тиме, 2011: 227)

Опыт более чем столетнего обращения самых разных мыслителей Запада к Достоевскому говорит нам, что у него все же ищут не экзотику, а те идеи и образы, которые вняты любому человеку. Не только от интереса к России стали читать русских писателей, а потому, что они, и прежде всего Достоевский, подняли проблемы, которые волнуют цивилизованное человечество.

Писатель беспокоился за Россию и Европу, он боялся Азии. Раскольникову, раскаявшемуся и принявшему в душу великую истину Христа, но когда-то все же соприкоснувшись со Злом, дано увидеть и апокалипсис «по Достоевскому», где русский народ и другие народы оказались способны лишь на взаимное истребление:

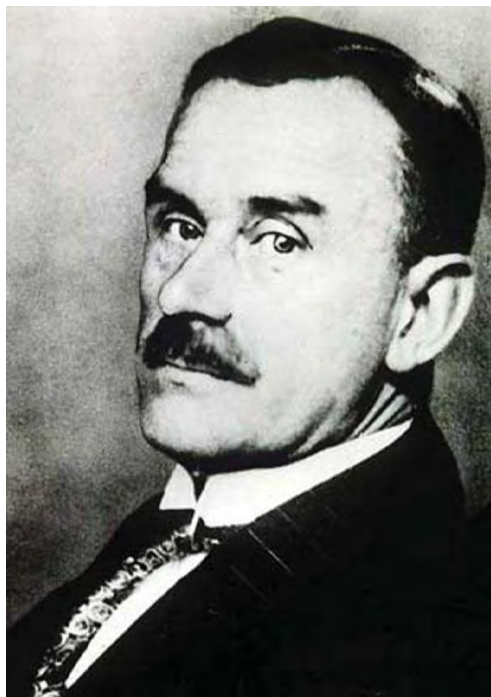
Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга. <...> Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. <...> Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только

несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

(Достоевский, 1973: 419–420)

Моровая язва шла из Азии на Европу. В контексте этой апокалиптической картинке трудно поверить, что Достоевского можно назвать предшественником евразийства. Федор Степун называл евразийство вариацией фашизма. Читая этот сон Раскольникова, начинаешь понимать, что интеллектуальная интуиция писателя его никогда не подводила.

Трезвость, жестокость и сила анализа российских и европейских болезней в творчестве Достоевского стали фактом культурного самосознания европейцев. Приведу слова Томаса Манна, которыми можно закончить статью: «Мучительные парадоксы <...> Достоевского <...> кажутся человеконенавистничеством, и все же они высказаны во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторики, прошедшего через все адские бездны мук и познания» (Манн, 1961: 345).

Томас Манн
(1875–1955)

Литература

Белинский, 1982 — *Белинский В.Г.* Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // *Белинский В.Г.* Собр. соч. в 9 т. М.: Худож. лит., 1976–1982. Т. 8: Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 — март 1848. 1982. 783 с. С. 121–156.

Бердяев, 1999 — *Бердяев Н.А.* Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) // *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 1999. 432 с. С. 42–52.

Васильченко, 2009 — *Васильченко А.* Мёллер ван ден Брук и немецкий революционный национализм // *Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А.* Миф о вечной империи и Третий рейх / пер. с нем. А.В. Васильченко. М.: Вече, 2009. С. 3–111.

Гвардини, 2007 — *Гвардини Р.* Религиозные образы в творчестве Достоевского // *Культурология. Дайджест. № 1 (40).* М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 129–149.

Гессе, 2010 — *Гессе Г. Достоевский // Гессе Г. Магия книги: Эссе о литературе.* СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Изд-во К. Тублина», 2010. С. 288–334.

Достоевская, 1987 — *Достоевская А.Г. Воспоминания.* М.: Правда, 1987. 541 с.

Достоевский, 1973 — *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 6: Преступление и наказание. Роман в 6 ч. с эпилогом.* 1973. 423 с.

Достоевский, 1978 — *Достоевский Ф.М. Г-н –бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 18: Статьи и заметки 1845–1861.* 1978. 371 с. С. 70–103.

Достоевский, 1980 — *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 21: Дневник писателя, 1873. Статьи и заметки, 1873–1878.* 1980. 551 с.

Камю, 1990 — *Камю А. Бунтующий человек / пер. с фр. Ю.М. Денисов, Ю.Н. Стефанов // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.* М.: Политиздат, 1990. 415 с. (Мыслители XX века). С. 119–356.

Катков, 2009 — *Катков М.Н. Отзыв иностранца о Пушкине. Статья Фарнхана фон Энзе // Катков М. Идеология охранительства.* М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 800 с. С. 535–537.

Манн, 1961 — *Манн Т. Достоевский — но в меру / пер. с нем. Е. Эткинда // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959–1961. Т. 10: Статьи 1929–1955.* 1961. С. 327–345.

Ницше, 1990 — *Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству / пер. с нем. В.А. Флёровой // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 631–692.*

Рильке, 1994 — *Рильке Р.-М. А.Н. Бенуа, 28.7.1901 / пер. с нем. К. Азадовского // Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи.* М.: Искусство, 1994. 368 с. С. 141–147.

Розанов, 1995 — *Розанов В.В. Одна из замечательных идей Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях.* М.: Республика, 1995. С. 487–494.

Тиме, 2011 — *Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков.* СПб.: Нестор-История, 2011. 455 с.

Тоичкина, 2013 — *Тоичкина Александра. Поэтика символа в «Божественной комедии» Данте и в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. М., 1993–2017. № 30, ч. 1. 2013. С. 83–108.*

Цвейг, 2010 — *Цвейг С. Достоевский / пер. с нем. П. Бернштейн // Цвейг С. Собр. соч. в 8 т. М.: АСТ, 2009–2010. Т. 6: Три мастера. Борьба с безумием. Воспоминания об Эмиле Верхарне.* 2010. С. 75–184.

Шпенглер, 2002 — *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. 228 с.

Hofmannsthal, 1955 — *Hofmannsthal Hugo von.* Blick auf den geistigen Zustand Europas // *Hofmannsthal Hugo von.* Gesammelte Werke in Einzelausgaben. 15 Bände / Herausgegeben von Herbert Steiner. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1945–1959. Bd. 4. 1955.

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

THE EUROPE, OR THE OPENING OF DOSTOEVSKY

Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue. Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: vlkantor@mail.ru

 Abstract. The article by the editor-in-chief of the journal opens a series of publications dedicated to the bicentennial anniversary of the great Russian writer F.M. Dostoevsky. The author discusses the problem of the influence of the writer’s creativity, which was not very much in demand during his life at home, on the worldview of the thinking generations of the 20th century in Russia and Western Europe. If in 1911 V. Rozanov noticed that Tolstoy was generally all and always “in luck”, then Dostoevsky, on the contrary, was and still remains “in failure”. After World War I, the famous Austrian writer Hugo von Hoffmannsthal wrote about Dostoevsky as the spiritual ruler of his era. The work of the writer is considered in the article as a prophetic text, which was referred to by European writers. What was happening in Europe, which was experiencing two wars and a change in the territorial European space, was recognized as chaos, which was read about in Dostoevsky’s novels about Russia. Dostoevsky’s work became a space for dialogue between Russia and Europe, expanding contacts between Russian and European philosophers.

 Keywords: Dostoevsky, Russia, Europe, Jesus Christ, Bible, Karamazovs, chaos, Dante, Merezhkovsky, Rozanov, F. Nietzsche, R.-M. Rilke, T. Mann, G. Hesse, S. Zweig

 For citation: Kantor, V.K., 2021. The Europe, or the Opening of Dostoevsky. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), 10–25. (in Russ.)

 DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-10-25

References

Belinskii, V.G., 1982. Peterburgskii sbornik, izdannyi N. Nekrasovym [Petersburg collection published by N. Nekrasov]. In: Belinskii, V.G. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 9 vols. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. 121–156.

Berdyayev, N.A., 1999. Religioznye osnovy bol'shevizma (Iz religioznoi psikhologii russkogo naroda) [Religious Foundations of Bolshevism (From the Religious Psychology of the Russian People)]. In: Berdyayev, N.A. *Dukhovnye osnovy russkoi revolyutsii. Opyty 1917–1918 gg.* [Spiritual foundations of the Russian revolution. Experiments 1917–1918]. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ. 42–52.

Camus, A., 1990. Buntuyushchii chelovek [An Essay on Man in Revolt]. Translated from French by Yu.M. Denisov, Yu.N. Stefanov. In: Camus, A. *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [An Essay on Man in Revolt. Philosophy. Policy. Art]. Moscow: Politizdat Publ. 119–356.

Dostoevskaya, A.G., 1987. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda Publ.

Dostoevskii, F.M., 1973. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 30 vols. Vol. 6. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ.

Dostoevskii, F.M., 1978. G-n –bov i vopros ob iskusstve [Mr. –bov and the question of art]. In: Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 30 vols. Vol. 18. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ. 70–103.

Dostoevskii, F.M., 1980. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 30 vols. Vol. 21. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ.

Gesse, G., 2010. Dostoevskii [Dostoevsky]. In: Gesse, G. *Magiya knigi: Esse o literature* [The Magic of the Book: Essays on Literature]. St Petersburg: Limbus Press, ООО “Izdatel'stvo K. Tublina” Publ. 288–334.

Guardini, R., 2007. Religioznye obrazy v tvorchestve Dostoevskogo [Religious images in the works of Dostoevsky]. In: *Kul'turologiya. Daidzhest* [Culturology. Digest], 1(40). Moscow: INION RAN Publ. 129–149.

Hofmannsthal, Hugo von, 1955. Blick auf den geistigen Zustand Europas [Look at the spiritual state of Europe]. In: Hofmannsthal, Hugo von. *Gesammelte Werke in Einzelausgaben* [Collected works in individual editions]. 15 vols. Vol. 4. Edited by Herbert Steiner. Frankfurt a. M.: S. Fischer Publ.

Katkov, M.N., 2009. Otzyv inostrantsa o Pushkine. Stat'ya Farnkhagena fon Enze [Review of a foreigner about Pushkin. Article by Farnhagen von Ense]. In: Katkov, M.N. *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of protection]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. 535–537.

Mann, T., 1961. Dostoevskii — no v meru [Dostoevsky — but in moderation], Translated from German by E. Etkind. In: Mann, T. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 10 vols. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat Publ. 327–345.

Nietzsche, F., 1990. Antikhrist. Proklyatie khristianstvu [Antichrist. Curse to Christianity], Translated from German by V.A. Flerova. In: Nietzsche F. *Sochineniya* [Works]. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ. 631–692.

Rilke, R.-M., 1994. A.N. Benua, 28.7.1901 [To A.N. Benoit, 28.7.1901]. Translated from German by K. Azadovskii. In: Rilke, R.-M. *Vorpsvede. Ogyust Roden. Pis'ma. Stikhi* [Worpswede. Auguste Rodin. Letters. Poems]. Moscow: Iskusstvo Publ. 141–147.

Rozanov, V.V., 1995. Odnа iz zamechatel'nykh idei F.M. Dostoevskogo [One of the great ideas of F.M. Dostoevsky]. In: Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works. About writing and writers]. Moscow: Respublika Publ. 487–494.

Spengler, O., 2002. *Prussachestvo i sotsializm* [Prussianism and Socialism]. Translated from German by G.D. Gurvich. Moscow: Praksis Publ.

Time, G.A., 2011. *Rossiya i Germaniya: filosofskii diskurs v russkoi literature XIX–XX vekov* [Russia and Germany: Philosophical Discourse in Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.

Toichkina, A., 2013. Poetika simvola v “Bozhestvennoi komedii” Dante i v “Zapiskakh iz Mertvogo doma” Dostoevskogo [Poetics of the Symbol in Dante’s “Divine Comedy” and Dostoevsky’s “Notes from the House of the Dead”]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh* [Dostoevsky and world culture. Almanac]. No 30, Part 1. Moscow. 83–108.

Vasil'chenko, A., 2009. Möller van den Bruck i nemetskii revolyutsionnyi natsionalizm [Möller van den Broek and German revolutionary nationalism]. In: Möller van den Bruck, A., Vasil'chenko, A. *Mif o vechnoi imperii i Tretii reikh* [The myth of the eternal empire and the Third Reich]. Translated from German by A.V. Vasil'chenko. Moscow: Veche Publ. 3–111.

Zweig, S., 2010. Dostoevskii [Dostoevsky]. Translated from German by P. Bernshstein. In: Zweig, S. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 8 vols. Vol. 6. Moscow: AST Publ. 75–184.

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).